
Купол
C-17
ЛЮДИ
НЕ
ТОВАР
B-32
D-14
E-09

Светлана Ренье

Купол

«Автор»
2026

Ренье С. П.

Купол / С. П. Ренье — «Автор», 2026

В антиутопическом будущем Земля страдает от последствий войны с инопланетными захватчиками: планета частично непригодна для жизни, а выжившие укрылись в защищённых городах под стеклянными куполами. Джим Воллис живёт на периферии Нового Сиэтла — в трущобах из металлических контейнеров, где люди едва сводят концы с концами. Его отец — искатель, который рискует жизнью в радиоактивных пустошах, а мама работает на ферме и преподаёт в вечерней школе.Однажды Джим вместе с семьёй попадает в элитный купол — и перед ним открывается совсем другой мир: чистые улицы, роскошные здания, изобилие еды Но за внешним благополучием скрываются свои тайны и несправедливость. А вскоре город атакуют загадочные зверолюди — и становится ясно, что привычный уклад жизни вот-вот рухнет.Пытаясь разобраться в том, что происходит с миром, Джим сталкивается с противоречиями официальной пропаганды, узнаёт семейные секреты и понимает: чтобы выжить и остаться человеком, ему придётся сделать непростой выбор.

© Ренье С. П., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Знакомство с Джимом 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Светлана Ренье
Купол

Глава 1

Знакомство с Джимом

Меня зовут Джим Воллис, я родился в 2356 году в месте под названием Новый Сиэтл, в семнадцатом секторе третьего кольца города. Вообще город был разделён на пять колец, а в центре находился стеклянный купол диаметром в 100 км. Купол был окружён огромной стеной, и таким, как мы, доступ туда был ограничен. В основном там жила элита человечества — как все их называли, — и попасть туда можно было только строго по пропускам, да и то на ограниченное время или за великие заслуги перед Свободным обществом. Купола хорошо охранялись вооружёнными силами ВАСС. Остальные кольца города были разделены металлическим забором, но он имел скорее символический характер.

Сами же жилые помещения были наспех сооружены из транспортных металлических контейнеров — благо это был портовый город, и контейнеров здесь было очень много. Их устанавливали друг на друга в 7–10 - этажные блоки. Зимой в блоках было очень холодно. У нас была небольшая металлическая печка, пока в ней горел огонь, становилось более - менее тепло, но топить печку было практически нечем. Мы с родителями укутывались в одеяло и грелись, прижимаясь друг к другу. На стене висела старая схема вентиляции, которую отец подрисовывал карандашом каждый раз, когда что - то чинил: там появлялись новые стрелки, зачёркнутые линии и короткие пометки вроде «не дует» или «проверить в марте». Запах ржавчины и машинного масла не выветривался даже в самые солнечные дни — он будто въелся в металл, в ткань одеял, в наши волосы. Я был единственным ребёнком в семье, так как по законам нашего города можно было иметь только одного ребёнка.

Мой отец, Ричерд Воллис, родился в 2320 году в рейдерском поселении. Его нашли военные в возрасте трёх лет во время зачистки. Вырос отец в интернате «Приёмыш» — такое себе местечко. Мы не раз туда ходили с отцом: несмотря на жуткое место, там работали хорошие люди. Особенно тётушка Лейза — отец её очень любил и называл мамой, говорил: «Если бы не она, кто знает, что со мной бы стало».

Отец работал искателем. В составе групп по 5–10 человек они отправлялись в пустоши на поиски выживших людей, безопасных от радиации земель и различных предметов, имевших хоть какую-нибудь ценность. Порой я отца не видел месяцами. Иногда он приносил разные вещи из пустоши: в основном это были кухонные предметы — сковородки, кастрюли, ложки, вилки. Их охотно покупали продавцы на рынке — это был ходовой товар. Иногда он находил слесарные инструменты и продавал их в мастерские. Мне он приносил игрушки: машинки, пистолеты, солдатиков. Бывало, попадались и драгоценности — золото, серебро, платина, — их он должен был отдавать погранотряду сразу после возвращения. Всё, что он находил, тщательно проверялось, и сами пограничники могли забрать всё, что им понравилось, без объяснения причины. Единственное, что было запрещено проносить в город, — любую литературу: книги, журналы, газеты.

Я очень любил своего отца и с нетерпением его ждал. Отец никогда не рассказывал о пустошах. Единственное, он говорил, что пустошь — очень опасное и страшное место: там водятся опасные животные, голодные, злые, и при любой возможности разорвут тебя на части. Ещё там есть рейдеры — группы лиц, которые живут по своим законам, и к ним лучше не

попадать. «Это гиблое место, и никогда, ни при каких обстоятельствах не нужно одному туда ходить», — повторял он.

Мой отец был очень добрым человеком и всегда держал своё слово — это было очень редкое для нашего общества качество. Поэтому его все уважали и ценили. Ещё он меня учил всегда держать своё слово, быть человеком чести и уважать всех людей, какими бы негодяями они ни были.

Моя мать, Рита Воллис, родилась в 2324 году. Мама говорила, что не помнит, где родилась, только рассказывала, что её приютила и вырастила одна очень замечательная женщина по имени Арен, жившая в тринадцатом блоке пятого кольца. Иногда мы её навещали и приносили ей немного еды. Мне она казалась немного сумасшедшей: она одевалась в лохмотья, и такое ощущение, что никогда не мылась, дома у неё всегда был бардак и грязь, но она была довольно любезной и любила нас как своих родных. Ещё у неё были воображаемые домашние животные, и она их всегда кормила.

Город окружали фермы и обеспечивали его продовольствием. В основном на фермах выращивали картошку, кабачки, капусту, фасоль и морковку. Ещё были тараканьи фермы: там выращивали тараканов в огромных количествах. Говорят, из них делают мясо для консервов и питательные батончики. Но я не проверял. Моя мама работала на ближайшей к нашему дому овощной ферме. Так как меня не с кем было оставить, мать всегда брала меня с собой, где я ей помогал с работой. Мама завязывала платок по - особенному — узлом под подбородком, чтобы пыль не лезла в глаза, и от этого её лицо казалось ещё строже, но в глазах всё равно оставалась мягкость. По утрам над полями стелился белёсый туман, будто земля пыталась спрятаться от людей, а когда солнце поднималось выше, туман таял, оставляя на ботве тяжёлые капли росы, которые сверкали, как крошечные осколки стекла.

Вечерами мама преподавала в вечерней школе историю и патриотизм и меня всегда брала с собой, где я изучал эти предметы. На уроках истории я узнал, что чуть больше 300 лет назад на Землю приземлились инопланетные захватчики. Они окружили непрозрачным энергетическим барьером практически весь Сурастан и Ауранию. Остальные страны во главе с Вестмором объединились во Всемирный альянс стран содружеств (ВАСС) для борьбы, как говорили, с инопланетянами и освобождения захваченных территорий. Хотя за 300 лет самих инопланетян никто не видел.

Есть только небольшая видеозапись огромного космического корабля, зависшего над Сурастаном. Как астрономы его не смогли заметить — остаётся большой загадкой. После приземления была очень яркая вспышка, сопоставимая с миниатюрным солнцем. После вспышки появился энергетический барьер: он был матовый, и не было видно, что там происходит. Любое оружие не могло пробить барьер: пули отлетали в стороны, как от стали, лазер просто отражался.

За барьер могла попасть только живая материя. И правительство каждый год собирало диверсионные группы: миллионы человек проникали внутрь. Но возвращались единицы, обезумевшие или со стёртой памятью.

В первые десятилетия страны ВАСС пытались разрушить барьер, выпустив весь свой военный потенциал. Было использовано и ядерное оружие, но барьер оказался непробиваемым. Своими действиями правительство медленно отравляло землю — не замечая этого или просто не желая это осознавать. На долгие годы небо заволокло тучами, и настала так называемая ядерная зима. Небольшая часть людей спряталась в бункерах, но основную часть населения настигли голод, кислотные дожди, радиация и болезни.

Примерно через полвека тучи начали постепенно рассеиваться, и первые лучи света начали пробиваться сквозь тёмные облака, но большая часть планеты оказалась непригодной для жизни. Правительство ВАСС находило безопасные участки земли и строило так называемые стеклянные купола, окружённые высокими бетонными стенами. Правительство ВАСС

организовало спасательные и поисковые операции. На всех радиочастотах начали транслировать местоположение новых городов. Также выжившие сами стягивались к новым убежищам, и города разрастались.

А мне почему-то многое казалось непонятным и нелогичным, и я высказывал свои сомнения маме:

— Мама, а если на нас никто не нападал и не было никакой угрозы, зачем было взрывать ядерные боеголовки так, что отравили половину земли и убили миллиарды людей? Или зачем нужно каждый год отправлять миллионы людей за барьер, если это не приносило никаких результатов? Почему нельзя было просто договориться и не тратить миллиарды долларов на войну? Если на эти деньги можно было бы обеспечить безбедную и благополучную жизнь всему земному шару и построить сверхтехнологичную, образованную и гуманную цивилизацию — с развитой наукой, с развитой медициной…

Мама с сожалением отвечала:

— Это уже не вернуть, и это уже случилось. Имеем то, что имеем, и с этим нужно как-то жить.

И, так как она преподавала патриотизм, добавляла:

— Значит, это было необходимо, и не было другого выбора. Не стоит сомневаться в решениях, принятых высшим руководством, даже если ты считаешь их ошибочными. Ведь этих людей выбирал сам народ, живший в те времена, и люди им доверяли свою судьбу.

Я иногда спорил с мамой и пытался ей доказать, что старое правительство было не право и можно было решить всё по - другому. Мама мне отвечала с усталой улыбкой:

— Ты ещё маленький и глупенький и не всего понимаешь. Просто в официальных источниках было сказано, что наше правительство пыталось наладить контакт и заключить мирное соглашение. Но захватчики проигнорировали наше предложение мира. После чего мы и открыли по ним огонь.

— А может, они просто не поняли, что им предлагали? Это же были инопланетяне!

— Может быть, — отвечала мама, — а вообще нет оснований не доверять официальным источникам.

И мы с мамой иногда часами так спорили, рассуждали. А вообще я очень любил своих родителей и старался им помогать во всём. Всегда старался их слушаться.

Ещё в нашем городе практически не было больниц. Был один - два фельдшера на весь город, и то лекарств не было, оборудования не было. Так что лучше было не болеть никогда. А если и заболевали, лечились народными средствами. Школы были только вечерние и добровольные, и с каждым годом их посещало всё меньше и меньше людей. Вообще их хотели закрыть, но как - то находили средства, чтобы этого не делать.

По правилам нашего города были запрещены книги, выпущенные до конца двадцать первого века. Вся классическая литература, все учебники истории и любая литература, рассказывающая про жизнь до войны, считались неверными и искажали всю историю нашей свободы и демократии. За чтение или, что ещё хуже, распространение запрещённой литературы грозило изгнание из города в пустошь или пожизненные работы на заводах по производству еды без права на помилование.

Вообще за любые проступки — воровство, драки — наказания было два: работы на производстве еды или смертельные бои, где решались спорные моменты. Так называемые бои без правил проводились каждую неделю в воскресенье. Там бились как профессиональные бойцы, так и каждый желающий мог вызвать на бой любого человека. Ещё можно было сделать ставки, если, конечно, у вас были деньги, на профессиональных бойцов. Кто победит — тот и прав, так вершилось правосудие. Бои транслировались по мониторам в каждом углу города, и каждый житель ждал этих боёв. Ещё иногда бои проводились с изгнанными из купола за право остаться жить за периметром в блоках. В основном это были коррупционеры и неугодные системе.

За порядком в городе следили отряды ВАСС: они патрулировали город круглые сутки. Ещё в городе был введён комендантский час: он начинался с 22:00 до 5:00, кроме субботы и воскресенья, и находиться на улице было запрещено.

На первых этажах блоков располагались магазины, рынки и бары. Ещё были мастерские и мелкие производства, где можно было подработать. Между блоками тянулись узкие коридоры, и в них всегда стоял один и тот же гул — будто город дышал через старые, забитые фильтры. Скрип металлических дверей, хлопки автоматических затворов на воротах, когда их закрывали на ночь, и редкие окрики патрульных сливались в привычный, почти незаметный шум, который я слышал даже во сне. Денег в основном не платили или платили мало; расчёт проводился за еду: тушёнку, хлеб, крупы и макароны. Качество продуктов было не то что низкого, а просто отвратительное: тушёнка была смесью мяса, рыбы, жил и хрящей, и всё это было залито какой - то мерзкой жижей. Крупа была со смесью песка и камней, а макароны разваривались в некую клейкую субстанцию. Это и неудивительно: Ведь на производстве еды работали пожизненно осуждённые.

Вообще на рынках можно было купить овощи и фрукты, выращенные на фермах, где работала моя мама. Но с ферм практически вся продукция отправлялась в купол. А к нам на рынки попадала только некондиция или подпорченные продукты. И стоили они очень дорого. Мама иногда приносила домой свежую капусту, картошку и лук. Иногда, когда отец был дома между экспедициями, мы с ним ходили на причал и ловили свежую рыбу. Несмотря на то что жизнь в городе была не сахар и мы выживали как могли, мне нравилось здесь жить. В этом хаосе из ржавых контейнеров и скрипучих дверей было что - то своё, родное — будто каждый шов, каждая царапина на металле была частью нашей истории.

По утрам, когда солнце едва пробивалось сквозь серую дымку, я любил стоять у ограждения из арматуры у входной двери и смотреть, как оживает наш блок. Сначала загорались тусклые лампы на переходах между этажами, потом где - то внизу хлопала дверь мастерской, и доносился знакомый лязг инструментов — это старый мастер Гюнтер начинал свой день раньше всех. Иногда он выносил на лестничную площадку миску с остатками похлёбки для трёх бродячих котов, которые жили между контейнерами. Они знали этот звук крышки и тут же сбегались, тёрлись о его сапоги, а Гюнтер ворчал, что они только мешают, но в глазах у него при этом светилась улыбка.

Ещё я любил моменты, когда удавалось поймать тишину — редкую, почти драгоценную. Она случалась между сменами патрулей, когда гул вентиляции ненадолго стихал, и в эти минуты казалось, что весь город затаил дыхание. В такие мгновения я прижимался ухом к стене и пытался услышать, как дышит этот огромный, неуклюжий, но такой привычный мир из металла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.